

Глава 8. Образ Советской России в тексте Надежды Мельниковой-Папоушковой

DOI 10.15826/B978-5-7996-3520-6.28

На примере очерков Н. Ф. Мельниковой-Папоушковой мы хотим продемонстрировать, каким образом формировался текст, представляющий собой рефлексию советской реальности глазами русского эмигранта, и насколько данный текст отличается от текстов, созданных чешскими интеллектуалами, посетившими Советский Союз во второй половине 20-х гг.

Биография¹ Надежды Филаретовны Мельниковой-Папоушковой показывает, насколько многогранны и сложны были судьбы русских, украинских и белорусских эмигрантов первой волны. Мельникова-Папоушкова прибыла в Прагу в конце 1918 г., после того как еще в Москве заключила брак с чешским историком, секретарем Т. Г. Масарика и членом Чехословацкого корпуса Ярославом Папоушкем². После своего прибытия в Прагу Мельникова-Папоушкова неожиданно становится активным участником культурной жизни не только в среде русских беженцев, но также в рамках различных кружков пражских художников и интеллектуалов³. С 1920 г. Мельникова-Папоушкова публикуется на страницах одного из известнейших эмигрантских журналов «Воля России», издаваемого сначала в Праге, а затем с 1927 г. в Париже. Темой ее многочисленных статей становится прежде всего современная русская и чешская культура, в особенности новые тенденции в литературе, театре и изобразительном искусстве, с которыми Мельникова-Папоушкова пытается познакомить русскоязычную публику⁴.

¹ О жизни Мельниковой-Папоушковой в период до эмиграции в Чехословакию см.: *Фирсов Е. Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2000. С. 266–283.*

² ГОА ЧЛ (Государственный областной архив в г. Ческа Липа). Ф. Мельникова-Папоушкова. *Čestné prohlášení* (3. 7. 1955).

³ См., например, сведения Й. Вондрачковой: *Vondráčková J. Mrazilo, tálo (o Jiřím Weilovi). Praha, 2014. С. 21–22.*

⁴ Например, статья о Зейеру: *Воля России. 1921. С. 4–5.*

Кроме того, она популяризует русскую поэзию в кружках чешской интеллигенции и издает одну из первых антологий современной русской литературы, которая наряду с очерком о русской поэзии Франтишека Кубки *«Поэты революционной России»* (1924) и книгой Иржи Вайла *«Русская революционная литература»* (1924) становятся первыми, хотя и небольшими по объему, трудами на чешском языке, посвященными русской поэзии и прозе дореволюционного и революционного периодов.

Вместе с тем в творчестве Мельниковой-Папоушковой постепенно начинает проявляться естественная тенденция к рефлексии возникающей новой советской реальности, которая уже с начала 20-х гг. привлекает чешских левых интеллектуалов. Уникальный социальный эксперимент, новая советская культура и реальность находят отражение в текстах нескольких десятков чешских писателей⁵, художников и деятелей культуры, которые в 20-е гг. посетили Советскую Россию в рамках официальных визитов под эгидой Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) либо других организаций. Данная проблематика детально освещена в антологии, составленной Катержиной Шимовой *«Советская Россия по свидетельствам чехословацких интеллектуалов в межвоенный период»*⁶. Однако текст Мельниковой-Папоушковой «Россия вблизи и издалека» в данную публикацию по очевидной причине попасть не мог, так как не являлся текстом чешского автора, а представлял собой редкий пример рефлексии Советской России с точки зрения русского эмигранта, проживающего в Чехословакии⁷.

⁵ По словам Шимовой, значительное влияние на формирование образа Советской России оказывали прежде всего члены Общества экономического и культурного сближения с новой Россией: Theodor Bartošek, Josef Ludvík Fischer, Ladislav Görlich, Josef Hora, Josef Kopta, František Langer, Marie Majerová, Helena Malířová, Bohumil Mathesius, Zdeněk Nejedlý Stanislav Kostka Neumann, Ivan Olbracht, Jaroslav Seifert, František Xaver Šalda, Karel Teige a Jiří Weil.

⁶ Šimová K., Kolenovská D., Drápala M., ed. *Cesty do utopie: sovětské Rusko ve svědectvích meziválečných československých intelektuálů*. Praha, 2017.

⁷ К редким примерам эмигрантов, которые в своих текстах рефлектируют советскую реальность, можно кроме Мельниковой-Папоушковой отнести Валерия Вилинского и Евгения Каликина. Подробнее см.: Hultsch A. *Hlasy ruských emigrantů – pohled na Československo a sovětské Rusko in: Z historie exilu*. Praha, 2019.

Очерк «*Россия вблизи и издалека*», вышедший в 1929 г., представляет собой всеобъемлющую мозаику, отражающую различные аспекты как культурной жизни Советской России, так и нового быта советского человека. Что касается композиции, в тексте, как намекает уже название, переплетаются две перспективы: издалека, т. е. восприятие советской реальности сквозь призму советской печати и опубликованных в Чехословакии советских текстов, и вблизи, т. е. взгляд, основанный на конфронтации образа Советской России, созданного на основе предыдущего опыта, и реальности, которую автор текста наблюдала во время своих поездок в СССР в 1923, 1924 и 1927 гг.

О построении текста и своем авторском намерении Мельникова-Папоушкова сообщает в предисловии следующее:

Оставляя политику более информированным людям, я сосредоточила свои наблюдения на обыкновенной жизни людей и отчасти на культуре. Я глубоко убеждена, что все собранные мною явления имеют по крайней мере историческую и этическую ценность. Все великое будет записано в анналах, однако мелкие страдания незаметных людей будут забыты, а иные построят из их мозолей, слез и горя памятник на века. И хоть кусочек этого памятника я хотела бы испортить, поскольку получить награду легче тому, кто кричал, чем тому, кто терпел. Также я бы хотела, чтобы люди перестали поливать грязью все страны, весь народ без разбору. Не могу судить, насколько мне это удалось, однако я старалась изо всех сил⁸.

Именно благодаря заявленному автором стремлению наблюдать за повседневностью возникает пластический текст, в котором переплетаются не только советские реалии, но и авторские параллели, основанные на личном опыте жизни в дореволюционной Москве. Одной из важнейших для Мельниковой-Папоушковой тем, на которую она обращает внимание еще до написания рассматриваемого текста, является процесс трансформации русской интеллигенции, для которой всегда были характерны идеализм, религиозность и готовность оказать ус-

⁸ *Melniková-Papoušková N. F. Rusko z blízka i z dálky. Praha, 1929. С. 4.* Далее в тексте при цитировании этой книги в круглых скобках будет указан номер страницы.

лугу¹. Данный пласт общества, утверждает автор, встречается и в советской действительности. Как и дореволюционная интеллигенция, она выше уровня массы, однако сейчас представляет собой скорее «полуинтеллигенцию», которая создается на основе политических успехов². Следующее проявление преемственности эпох автор видит в восприятии коммунистической идеологии как новой религии (с. 39). Наиболее критический тон Мельниковой-Папоушковой замечен в ее отношении к современному уровню морали, падение которого проявляется прежде всего в восприятии семьи как «буржуазного пережитка» и постепенно ухудшающемся положении женщин; автор приводит примеры многочисленных случаев изнасилования и различных происшествий, о которых информирует современная пресса³. Рассуждения о падении уровня морали Мельникова-Папоушкова завершает следующими словами:

Война и революция в огромной степени повлияли на старую мораль, но нигде в мире то новое, что пришло на смену власти старой морали, не получило такой извращенной формы, как в России; нигде в мире полуинтеллигенция не добилась такого успеха и не оправдывает свою беспомощность псевдонаукой. Получается, что не так просто уничтожить все старое, тем более когда не предлагается ничего нового⁴.

С проблематикой положения новой интеллигенции связана и следующая тема очерка – тема литературы, история которой, по словам автора, является отчасти и историей интеллигенции⁵. В первую очередь в очерке анализируются авторы, тексты которых в определенный момент подвергались критике, однако без которых нельзя понять сложные трансформационные процессы начала 20-х гг. На примере произведений А. Белого, А. Ремизова, И. Бабеля и Б. Пильняка автор показывает, каким образом в данных текстах отражается трансформация общества и какую позицию занимает русская интеллигенция. Несмотря на убеж-

¹ *Melnicová-Papoušková N. F. Rusko z blízka i z dálky*. С. 22–23.

² *Ibid.* С. 39.

³ *Ibid.* С. 57–71.

⁴ *Ibid.* С. 65.

⁵ *Ibid.* С. 27.

дение автора в том, что в современной советской прозе преобладают тексты реалистического характера, большее внимание в очерке уделяется текстам, находящимся за пределами данной тенденции. Именно в комментариях к роману Е. Замятина «Мы» и повести М. Булгакова «Роковые яйца» разворачивается пессимистическая полемика о будущих перспективах интеллигенции в России: «Это скорее трагедия не старой интеллигенции, а трагедия интеллигенции новой, постепенно рождающейся. Находясь под давлением чужой воли, она не может свободно дышать. Ей хватит сил только на то, чтобы уничтожить саму себя. Везде царствует страх, причиной которому – не голод, зима и удары белых либо красных, и даже не миллионы змей, а сознание, что жизнью каждого думающего человека и его волей управляет беспощадная судьба»⁶.

Значительную часть очерка автор также посвящает феномену устного народного творчества, которое в будущем станет одной из центральных тем ее исследований. Собранные автором анекдоты и частушки анализируются в контексте революционных событий. На основе многочисленных антикоммунистических частушек Мельникова-Папоушкова показывает актуальность и пластичность данного жанра народного творчества⁷. В связи с частушками автор обращает внимание на жизнь в провинции и на культуру деревни. Именно там автор находит непрерывность существования традиций и инертность в отношении революционных событий, которую объясняет сильной связью деревенского жителя с землей.

Как мы отмечали ранее, текст Мельниковой-Папоушковой представляет собой не единственное свидетельство о Советской России, появившееся в Чехословакии во второй половине 20-х гг. В процессе формирования «чехословацкого» образа советской реальности принимали участие прежде всего левые интеллектуалы, а также неполитические организации, такие как Общество экономического и культурного сближения с новой Россией (1924), при непосредственном участии которого было организовано большое количество официальных визитов представителей

⁶ Ibid. С. 36–37.

⁷ Ibid. С. 139.

Чехословакии в Советский Союз. Проблема описания рефлексии советской реальности в текстах чехословацких интеллектуалов заключается прежде всего в том, что данные свидетельства в большей степени отражают собственные идейные убеждения их авторов, чем реальную ситуацию. Предвзятое отношение к Советской России, на одном полюсе которого – взгляды членов просоветской Чехословацкой социал-демократической рабочей партии, а на другом – антисоветская риторика Чехословацкой народно-демократической партии, зачастую приводило к экстремальному напряжению и взаимному непониманию. Как отмечает К. Шимова, «в сознании той эпохи... отражалось мировоззрение его носителей, их ожидания и их разочарование в послевоенном развитии событий»⁸.

Во второй половине 20-х гг. появляется несколько текстов, авторы которых, не декларируя это стремление отчетливо, все же включают в свои рефлексии критическую оценку и таким образом, по мере возможности, создают независимые свидетельства о советской действительности. Это, естественно, не критика в духе Андре Жида, речь идет скорее о текстах, описывающих повседневные ситуации и близкие авторам темы (театр, пресса, религия), на основе которых складывается общая картина, имеющая в том числе критическую направленность. Речь прежде всего идет о текстах «Что я видел в советской России» Яна Славика⁹, «Москва в ноябре» Вацлава Тилле¹⁰, «Путешествие в Москву» Йозефа Копты¹¹ и «В империи Сталина» Йозефа Ед. Шрома¹². Каждый из названных очерков имеет индивидуальный характер и рефлектирует мировоззрение своего автора, формирующееся на базе не только профессионального опыта, но и того, насколько хорошо автору знакома советская реальность. Первый из сравниваемых текстов был написан историком и директором Русского заграничного исторического архива в Праге Я. Славиком, который посетил Советский Союз три раза в рамках командировок с целью приобретения новой

⁸ Šimová K., Kolenovská D., Drápala M., ed. Cesty do utopie... С. 51

⁹ Slavík J. Co jsem viděl v sovětském Rusku. Praha, 1926.

¹⁰ Tille V., Blümllová D., ed. Moskva v listopadu. České Budějovice, 2009.

¹¹ Kopta, J. Cesta do Moskvy. Praha, 1928.

¹² Šrom J. ed. V říši Stalinově. Praha, 1929.

литературы для различных славистических научных учреждений. Славику как историку, занимающемуся послереволюционной историей России, была хорошо знакома политическая и культурная обстановка в Советской России. Именно благодаря немалому опыту Славику удалось в своих рассуждениях воздержаться от обобщенных постулатов, касающихся принятия либо неприятия революции¹³, воспринимаемой автором как трансформационный процесс, в результате которого Россия найдет свой путь к демократии. Вместе с тем из-за своих взглядов Славик имел в чехословацком обществе довольно проблематичную репутацию, в глазах одних он представлял большевиком, другие же считали, что он придерживается антисоветских взглядов.

Подобно Мельниковой-Папоушковой, в своих текстах Славик обращает внимание на проблематику восприятия большевизма и марксизма как новой религии, которая может в России просуществовать довольно долго благодаря вездесущему мессианизму, вере и альтруизму¹⁴. Что касается морали, Славик, в отличие от Мельниковой-Папоушковой, видит в Советской России только две основные проблемы: пьянство и детскую беспризорность, и, наоборот, выступает против преувеличенной критики этой сферы. В своих размышлениях автор далее обращает внимание на проблематику антисемитизма, а также на вопрос доступности образования и жилья. Каждая из упомянутых тем подвергается анализу, автор часто стремится показать как положительные, так и отрицательные аспекты выбранной проблематики.

Автор следующего текста, литературный и театральный критик Вацлав Тилле, впервые посетил Россию уже в 1912 г. по приглашению известного чешского политического деятеля и первого премьер-министра Чехословакии Карла Крамаржа. Однако текст «Москва в ноябре» появляется после его второй поездки в Москву в 1927 г., когда он совместно с Владиславом Ванчурой, Зденком Нейедлым и Йозефом Коптой посещает ее в рамках официальной делегации в связи с десятой годовщиной Октябрьской революции. Рефлексия Тилле отличается большей степенью аполитичности. Центром его внимания становится культурная жизнь,

¹³ *Slavík J., Bouček, J., ed. Iluze a skutečnost. Praha, 2000. С. 10–11.*

¹⁴ *Slavík J. Co jsem viděl v sovětském Rusku. С. 8–9.*

в особенности театр. Тилле удалось посетить несколько постановок Мейерхольда, Вахтангова, Таирова, а также Московский государственный еврейский театр. Именно детальное описание сценографии этих постановок делает текст Тилле ценным документом о феномене авангардного театра. Детальное описание сцен и сюжетов чередуется в тексте с репортажами о нескольких поездках, организованных ВОКС. Благодаря острым переходам от обширных описаний к коротким репортажам Тилле удалось передать ритм московской жизни¹⁵.

Несмотря на заявленную аполитичность, автор не может не выразить свой скепсис в отношении дальнейшего развития страны:

Кардинальный вопрос заключается в том, может ли коллектив создавать заводы, которые в других странах создаются благодаря индивидуальным предпринимателям и растут за счет взаимной конкуренции. Однако государственное управление советов может самостоятельно построить нужные им заводы. Речь о том, до какой степени управление будет хотеть создавать заводы во всех отраслях самостоятельно, и не захочет ли возложить эти процессы, скажем, на заводские комитеты. Это, в принципе, довольно сложный социологический вопрос: может ли коллектив быть сам по себе творческим?¹⁶

Текст Йозефа Копты представляет собой рефлексии тех же событий, которые описывал Вацлав Тилле, поскольку оба автора участвовали в упомянутых празднествах. Однако у Копты имеется совершенно другой опыт. С 1915 г. он был членом Чехословацкого корпуса, и теперь приезжает в знакомые ему места. Текст насыщен авторскими воспоминаниями и сравнением современной действительности с реалиями дореволюционного мира, ушедшего в прошлое. Несмотря на то, что данный текст представляет собой довольно интересный пример рефлексии советской реальности, он, подобно тексту Тилле, также ограничен целью и обстоятельствами поездки в Москву. Учитывая тот факт, что оба текста отражают одни и те же события, проходящие под эгидой ВОКС (экскурсии в галереи, на заводы и в тюрь-

¹⁵ Tille V., Blümlová D., ed. Moskva v listopadu. С. 16.

¹⁶ Ibid. С. 60.

мы, посещение театров и военного парада), можно задаться вопросом, насколько данные авторские рефлексии отражают реальный образ советской повседневности. Здесь есть некоторые различия. Тилле сосредоточил свое внимание на театре, остальные события он наблюдает и рефлектирует как будто издалека. В свою очередь, Копта обращает внимание не то, что изменилось в Москве с момента его предыдущих визитов, и благодаря знанию русского языка открыто ведет дискуссии с прохожими, рабочими и деятелями искусств. Однако оба автора смотрят на Москву и на советскую реальность с позиции «европейских гостей». С одной стороны, в своих высказываниях они отражают личный опыт (Копта как легионер, Тилле как знаток авангардного театра), но с другой стороны, они оба лишены того мировоззрения и умения анализа дореволюционных исторических событий, каким обладает Мельникова-Папоушкова.

Автор последнего текста, дипломат Чехословацкий миссии Йозеф Ед. Шром, жил в Москве в 1921–1922 гг. и в 1924–1930 гг. Его дипломатическая деятельность отражена в нескольких репортажах на страницах журнала «Загранични политика», а также в его книгах *«Советская Россия»*¹⁷ и *«В империи Сталина»*. В последнем из приведенных текстов Шром анализирует политические и социологические процессы в послереволюционной России. Автора поражает энтузиазм общества, который является движущей силой трансформации всех его слоев. Уникальность книг Шрома заключается в том, что советские трансформационные процессы описываются им не только на примере Москвы или Ленинграда, но и всего Советского Союза. Благодаря этому в тексте присутствуют, например, сведения о немецких и еврейских земледельцах, проживающих на территории Украины. Однако и в размышлениях Шрома появляется скептический тон в отношении дальнейших перспектив политики Сталина, которого он называет хитрым и прирожденным демагогом¹⁸ и считает, что в будущем он может дискредитировать «коллективное понятие государственной власти»¹⁹.

¹⁷ Šrom J. Sovětské Rusko. Praha, 1924.

¹⁸ Šrom, J., ed. V říši Stalinově. C. 228.

¹⁹ Ibid. C. 236.

Приведенный выше короткий перечень текстов, созданных во второй половине 1920-х гг., нельзя считать исчерпывающим. Тем не менее данные тексты можно рассматривать как пример нового типа высказывания, занимающего сдержанную позицию в отношении безграничного восхваления советской реальности. С другой стороны, авторы рассмотренных текстов в целом осознают тот факт, что критика Советской России часто игнорирует позитивные явления или, по крайней мере, явления, кажущиеся позитивными, и поэтому они пытаются избежать подобной обобщающей критики. Однако даже на фоне таких текстов рефлексия Мельниковой-Папоушковой занимает исключительную позицию. Во-первых, ей удалось освободиться от привычной формы путевых заметок. Хотя предмет интереса и стиль каждого из вышеперечисленных авторов значительно различаются, все (кроме Шрома) излагают события в хронологическом порядке, начиная с пересечения границы в Негорелом. Личный опыт, с которым авторы приезжают в Советскую Россию, также резко отличается, причем следует отметить, что ни одна из рефлексий не основана на первом контакте с советской действительностью. Историк Славик был косвенным свидетелем послереволюционных событий благодаря активным контактам с представителями русской эмиграции в Праге. Тилле, в свою очередь, впервые посетил Москву в 1912 и 1913 гг. Копта знал Россию как член Чехословацкого корпуса, к которому он присоединился вскоре после попадания в плен на русском фронте в 1915 г. Последний из авторов, Шром, пробыл на дипломатической службе почти 9 лет и прожил в Советской России дольше всех из них.

Очевидно, что в отличие от описанных рефлексий чешских авторов, рефлексия эмигранта, который приезжает в Москву не впервые и для которого данная среда не является объектом сравнения либо воодушевленного описания, является принципиально иной. Однако главным аспектом, благодаря которому текст Мельниковой-Папоушковой отличается, является то, что ее рефлексия в большой степени построена на принципе интертекстуальности. В ее заметках, как было продемонстрировано, часто появляются ссылки на события, обнаруженные автором на страницах разных журналов, т. е. образ советской реальности в некоторых аспектах формируется на основе заимствованных авто-

ром текстов. Кроме того, Мельникова-Папоушкова часто как бы подтверждает свои размышления и тезисы текстами поэтов-символистов. С одной стороны, автор таким образом укрепляет свою позицию. С другой стороны, именно благодаря определенной «дореволюционной оптике» Мельникова-Папоушкова стала единственным из ряда авторов, кто обратил внимание на проблематику трансформации морали и зарождение в Советской России «полуинтеллигенции», что среди прочего отмечает Д. Блюмлова в своем предисловии к «Москве в ноябре»²⁰. Однако самым ярким примером хорошей ориентации Мельниковой-Папоушковой в современных событиях является тот факт, что все наблюдения она анализирует в контексте современной советской литературы, а также текстов из чехословацкой и советской прессы, информирующих о событиях в Советской России.

Очерк Мельниковой-Папоушковой был принят весьма положительно. Критика прежде всего оценила, что автор наблюдает «за частной жизнью всех слоев общества более, чем за политикой или экономикой»²¹ и способен детально сравнивать дореволюционную и современную действительность. Любопытно, что после издания данного текста его стали часто цитировать на страницах многих журналов. Корреспонденты, критики и писатели использовали рефлексии Мельниковой-Папоушковой как подтверждение своего мнения и мировоззрения. Так, на страницах журнала Чешской аграрной партии «Венков» можно прочесть, что в книге Мельниковой-Папоушковой приводятся «все новые и новые факты, которые свидетельствуют о том, как на самом деле выглядит рай “страны свободы”, который наши большевики считают примером страны будущего»²². В подобном же духе строится критика рабочих факультетов на страницах журнала «Вечер»²³. Судя и по другим ссылкам на данный текст, книга Мельниковой-Папоушковой послужила источником материала скорее для лагеря критиков, чем для лагеря сторонников Советской России. Однако сам текст вызвал еще одну бурную дискуссию и даже стал причиной увольнения Мельниковой-

²⁰ Tille V., Blümllová D., ed. Moskva v listopadu. C. 9.

²¹ Slovanský přehled. Praha, 1929. C. 213.

²² Venkov. Praha, 1929. C. 6.

²³ Večer: lidový deník. Praha, 1927. C. 3.

Папоушковой с поста преподавателя Университета Палацкого в Оломоуце²⁴. В 1949 г. в журнале «Ровност» была опубликована статья под названием «Дело Мельниковой-Папоушковой», в которой автор обвиняет ее в антисоветских взглядах, называя текст «Россия вблизи и издалека» «самым отвратительным примером лжи, клеветы и оскорбления Советского Союза, который трудно сравнить даже с печально известными антисоветскими публикациями фашиста Яна Славика <...> Вся книга – сплошная и пошлая атака на все советское, на все коммунистическое»²⁵.

Интересно посмотреть на реакцию самой Мельниковой-Папоушковой, письмо которой, адресованное комитету педагогического факультета, хранится в архиве города Ческа Липа:

Книга была издана 20 лет тому назад, и она полностью забыта. Я признаю, что ее содержание негативно, и сегодня я уже не разделяю высказанные в ней взгляды. Как я сказала во время проверки и как я написала в апелляционном письме, под влиянием событий, особенно войны и февраля²⁶, мое мировоззрение полностью изменилось. Я вступила в партию не потому, что считала ее единственным способом коллективной и продуктивной работы для народа и республики. Я даже раньше выражалась не так, как в книге. Прежде всего, в 21–22 годах я работала в Детразборе, рабочей коммунистической организации, где я обучала молодых рабочих русским танцам, что было в то время совершенно необычно. Я также много писала о советском театре, показывая его положительные аспекты. Но как раз в то время, когда наши режиссеры находились под сильным влиянием Мейерхольда, я упрекала его в формальном выражении и творчестве, непонятном для зрителя рабочего класса²⁷.

Благодаря заслугам Мельниковой-Папоушковой в антифашистском освободительном движении ее педагогическая дея-

²⁴ ГОА ЧЛ. Ф. Мельникова-Папоушкова. Письмо декана педагогического факультета Университета Палацкого в Оломоуце, от 25 января 1949 г.

²⁵ Rovnost. Brno, 1949. С. 3.

²⁶ Имеются в виду события Победного февраля 1948 г., в результате которых коммунистическая партия заняла ведущую позицию в политической системе Чехословакии.

²⁷ ГОА ЧЛ. Ф. Мельникова-Папоушкова. Письмо специальному комитету педагогического факультета, от 14 января 1949 г.

тельность с зимнего семестра 1949 г. была возобновлена²⁸. Однако вскоре, в начале 50-х гг., ее текст был включен в так называемый «Список № 1», запрещающий распространение отдельных книг в общественных библиотеках. Запрет распространять данные тексты, по мнению П. Шамала, просуществовал до 1966 г.²⁹

Таким образом, мы попытались на основе нескольких примеров рефлексий советской реальности показать формирование нового типа высказывания, которое в чешской литературе появляется примерно со второй половины 20-х гг. XX в. Тексты вышеуказанных авторов представляют собой попытку раскрыть новую реальность в независимом контексте, осветить не только положительные, но и отрицательные аспекты советской действительности. Однако на каждый из текстов влияло большое количество внетекстуальных элементов, которые данное высказывание формировали. Самым ярким примером является текст Мельниковой-Папоушковой, на который повлиял не только ее дореволюционный опыт, но также тексты русских поэтов-символистов и тексты из газет.

²⁸ Там же. Письмо от 30 августа 1949 г.

²⁹ Подробнее см.: Šámal, P. Soustružníci lidských duší: lidové knihovny a jejich cenzura na počátku padesátých let 20. století (s edicí seznamů zakázaných knih). Praha, 2009.